

В первую ночь после возвращения в резиденцию Чжао Наню приснился кошмар.

Он проснулся с покрасневшими уголками глаз и расфокусированным взглядом.

Сознание то прояснялось, то снова тонуло в тумане, но даже сквозь сон он чувствовал, что кто-то всю ночь держал его в объятиях и успокаивал.

За день он пережил слишком много и сильно испугался. Выплеснув всё в кошмаре, на следующий день Чжао Нань наконец немного пришёл в себя.

К счастью, по характеру он был неисправимым оптимистом. Стоило отдышаться, и следующие несколько ночей прошли уже спокойно.

Как раз в эти дни Фу Цзюэчжи вернулся к службе. Документы накопились горой, дела давили со всех сторон — свободного времени у него вроде бы вообще быть не должно.

И всё же любые мелкие и крупные дела княжеского супруга каким-то образом неизменно проходили через его руки.

Дни шли.

Погода в Цюэцзине осенью менялась мгновенно.

Стояла уже глубокая осень, по ночам и ранним утром было холодно.

Но после недавнего дождя вдруг снова потеплело. У Чжао Наня пропал аппетит. Хотелось только острого, кислого, сладкого и чего-нибудь с сильным вкусом, а стоило увлечься — начинали ныть зубы.

Сегодня опять палило солнце.

От жары он почти не поел, надел лёгкую одежду и убежал прохладиться в павильон над водой.

Фухай уже заметно оправился. Сегодня он сменил Дэяня и снова прислуживал Чжао Наню.

Обмахивая княжеского супруга веером, евнух вспомнил разговор кучеров, который услышал утром.

— Сегодня на городских воротах вывесили несколько голов людей из Наньцзяна. Народ внизу тычет в них пальцами и ругает последними словами.

Фухай всегда горячо защищал своих.

Глядя на лицо Чжао Наня, он вспомнил раны, оставшиеся после похищения, и внутри всё вскипело.

— Говорят, это как раз люди Гэ Даня... Небо всё-таки видит! Пусть после смерти катятся в ад и варятся там в масле!

Чжао Нань подпёр подбородок рукой и вздохнул:

— Эх.

Он не знал, что ответить. Из-за жары выглядел вялым, но, когда Фухай подал кислый сливовый напиток, сразу оживился и стал выбирать ложкой только лёд.

Было уже за полдень, когда перед воротами княжеской резиденции остановилась карета.

Лоу Чжоу ждал на месте. Увидев прибывшего князя, он сразу подошёл навстречу и вместе с ним направился внутрь.

Утром Фу Цзюэчжи ездил в тюремное ведомство присутствовать при казни. На официальной одежде не осталось ни пятнышка грязи.

Даже запаха крови не было.

Высокий и стройный, он чуть повернул подбородок и негромко спросил:

— Сколько княжеский супруг съел за обедом?

— Совсем немного. Как котёнок поклевал.

Ответил Чэнь Пин. Он подошёл обмахивать князя веером, оценил его выражение лица и добавил:

— Сейчас отдыхает в павильоне над водой.

Фу Цзюэчжи нахмурился, кивнул и направился туда.

Издали уже можно было различить сидящую в павильоне фигуру.

Чжао Нань услышал приветствия слуг и понял, кто пришёл.

Во рту у него лежал кусочек льда. Он улыбнулся — и тут же почувствовал, как его аккуратный подбородок сжали пальцы.

Фу Цзюэчжи слегка наклонился, обхватил ладонью нижнюю часть его лица и надавил на мягкую щеку, вынуждая открыть рот.

Красные губы разомкнулись.

На языке лежал блестящий мокрый кусочек льда.

Фу Цзюэчжи помолчал.

— Выплюнь.

Чжао Нань сидел в кресле, подняв на него прозрачные, ясные глаза.

За последние дни он уже привык подчиняться в таких мелочах. Язык подтолкнул лёд наружу.

Кусочек упал прямо в ладонь, которая всё ещё поддерживала его подбородок.

В отличие от жара под кожей, прикосновение льда оказалось холодным. Он начал таять, оставляя на руке влагу.

Чжао Нань вдруг осознал, что именно сделал, и резко втянул воздух.

Он вскочил, схватил Фу Цзюэчжи за запястье и попытался стряхнуть лёд на землю, будто решившись на героическую смерть.

— Ваше Высочество, бросьте это.

Осенний ветер оставался сухим и тёплым.

Фу Цзюэчжи посмотрел на его лицо и тихо рассмеялся.

Он разжал пальцы. Лёд скатился вниз, оставив блестящий влажный след на ладони.

Фухай тут же подал платок.

Фу Цзюэчжи принял его и медленно вытер длинные пальцы тканью.

В этом движении почему-то чудилась двусмысленность.

Чжао Нань отвернулся. От ветра уши подозрительно разгорячились.

И тут к губам прикоснулась подушечка пальца.

Фу Цзюэчжи лишь слегка коснулся уголка — и тут же отнял руку.

Пальцы скрылись в широком рукаве и едва заметно потёрлись друг о друга.

Князь улыбнулся и тихо спросил:

— Зубы уже не болят, да?

Фраза была адресована Чжао Наню, а вспотел от страха Фухай.

Сегодня он только вернулся к службе вместо Дзяня и в суматохе не услышал, что у княжеского супруга снова болели зубы.

— Это вина этого раба.

После одного взгляда князя Фухая пробрал холод. Он схватил со стола кислый сливовый напиток и торопливо отправился получать наказание.

Чжао Нань даже не понял, что произошло, и хотел его окликнуть, но Фу Цзюэчжи уже опустил взгляд и двумя пальцами взялся за нефритовую подвеску у его уха.

Чёрные глаза остановились на нём.

— Я только вернулся и ещё не обедал.

— Туаньтуань поест со мной ещё немного?

Блюда быстро вернули на стол.

То ли после льда, то ли ещё почему, но аппетит у Чжао Наня неожиданно проснулся.

Он энергично съел большую ложку риса, весело болтая ногами под столом, а затем вдруг поднял сияющие глаза:

— Через десять дней в академии вроде будет экзамен.

Фу Цзюэчжи обычно ел лишь до семи десятых сытости и уже давно отложил палочки. Он повернулся к нему.

Наступила тишина.

Чжао Нань удивился и перестал жевать. Щёки остались забавно надутыми.

Он подозрительно спросил:

— Тебя углеводами разморило?

Раз молчит, значит, спать захотел?

Фу Цзюэчжи помолчал. Длинные ресницы скрыли отблеск в глазах.

— Туаньтуань хочет вернуться в академию.

Это был не вопрос, а спокойное утверждение — словно он уже прочёл его мысли.

Чжао Нань радостно кивнул.

— Ты меня понял.

Он вздохнул почти с ностальгией:

— Я так хочу обратно.

Как же он скучал по тем дням, когда они с Хо Чэнчуанем на равных сражались за последнее место в рейтинге и по очереди проигрывали.

Очень скучал.

Фу Цзюэчжи молча повторил эти слова про себя.

Пальцы у бедра сжались, будто стягивая невидимую нить.

Через некоторое время хватка ослабла.

— Очень хочешь.

Фу Цзюэчжи опустил глаза и повторил с улыбкой.

Взгляд медленно прошёлся по светлому, оживлённому лицу Чжао Наня. Затем все эмоции словно были спрятаны под замок, а голос стал немного хриплым.

На этот раз он не стал ни уговаривать, ни решать всё за него.

— Конечно, можно.

После этих слов в павильоне наступила тишина.

Чжао Нань сразу заулыбался и шумно выпил глоток супа.

Фу Цзюэчжи сидел рядом, крепко сжимая чашку. Его взгляд не отрывался от лица Чжао Наня, а пальцы едва заметно, почти нервно дрожали.

Внутри он был ревнив, подозрителен и ненасытен в желаниях.

Снаружи же оставался спокойным и благородным, словно ясное небо после дождя.

Посмотрев на влажный блеск у губ Чжао Наня, Фу Цзюэчжи тихо произнёс:

— Туаньтуань может делать всё, что захочет.

Чжао Нань слизнул каплю с губ и довольно улыбнулся:

— Тогда начинаю великий план подготовки к экзамену.

Выражение Фу Цзюэчжи несколько не смягчилось, но уголки губ приподнялись.

Он провёл пальцами по волосам Чжао Наня.

— Великий план?

— Тебе не понять.

Будучи безнадёжным троечником, Чжао Нань мог ответить на такой вопрос только застенчивой улыбкой.

— Экзаменационная аудитория — это кровавое поле боя, столкновение богов и пиршество азартных игроков... Сейчас уже пожар подбирается к бровям. Если не устроить последний рывок, мне конец.

Сам удивившись внезапному красноречию, он уже собирался себя похвалить, когда Фу Цзюэчжи легонько приподнял его подбородок.

Князь тихо рассмеялся.

Раздражение и тревога, ещё недавно почти сорвавшиеся с цепи, куда-то исчезли.

Подушечка пальца провела по тёмной линии брови, затем скользнула к пушистому затылку и успокаивающе хлопала.

— Занятия начинаются в час Чэнь. Заканчиваются в час Сюй.

Фу Цзюэчжи опустил глаза. От бровей до подбородка лицо снова стало резким и почти властным.

Он с заметным усилием убрал руку, положил пальцы на стол и несколько раз медленно постучал.

Это была максимальная уступка, на которую он соглашался.

— Каждый день после занятий я буду приезжать за тобой.